

УДК 351.74

UDC 351.74

07.00.00 Исторические науки

Historical studies

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX В. (ПО СВЕДЕНИЯМ ЖУРНАЛА «СИБИРСКИЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ»)**SOCIO-ECONOMIC CONDITIONS IN THE YENISEI PROVINCE AT THE BEGINNING OF THE XXth CENTURY (ACCORDING TO THE “SIBERIAN OBSERVER” MAGAZINE)**

Сунгуров Павел Александрович
РИНЦ SPIN-код = 4412-3995
преподаватель
Тюменский государственный нефтегазовый университет, Тюмень, Россия

Sungurov Pavel Aleksandrovich
RSCI SPIN code = 4412-3995
Lecturer
Tyumen State Oil and Gas University, Tyumen, Russia

Современные процессы, протекающие в социально-экономической жизни нашего государства, заставляют обращаться к историческому опыту, накопленному Россией на протяжении столетий. Стремительное развитие государства, модернизация всех сфер жизни общества, в начале XX в., по-прежнему сопрягались с массой нежелательных явлений, тормозивших динамичное развитие государства. В сибирской глубинке ситуация обострялась еще и рядом «застарелых» проблем, таких как высокий процент ссыльных, в среде местного общества, тотальная коррупция чиновничества и т.д. В статье рассматривается социально-экономическое положение Енисейской губернии в начале двадцатого столетия. Анализируется состояние сельского хозяйства, отдельных, существовавших в регионе, отраслей промышленности, выявляются сложности, с которыми они сталкивались. Приводятся количественные характеристики, раскрывающие реальное положение дел в таких крайне важных секторах экономики как земледелие, животноводство, кроме того, обозначены вопросы, касающиеся извозного и других промыслов. Источниковой основой работы явились сведения, представленные на страницах журнала «Сибирский наблюдатель», издание, носившее ярко оппозиционный характер, не имело цели выставлять существовавшую в регионе ситуацию, а как следствие и действия местных властей, в лучшем свете

Current processes in socio-economic life of our state make contact to the historical experience accumulated by Russia for centuries. The rapid development of the state, modernization of all spheres of public life at the beginning of XXth century still interfaced with a mass of adverse events, balking a dynamic development of the state. In the Siberian upcountry the situation was exacerbated by a number of “chronic” issues such as a high percentage of the exiles among the local society, the total corruption of the bureaucracy, etc. The article deals with the socio-economic status of the Yenisei province in the early twentieth century. Analysing the state of agriculture and individual industries, existing in the region, it identifies the challenges that they faced. The author cites some quantitative characteristics that reveal the real state of affairs in such crucial sectors of the economy such as agriculture, animal husbandry. Moreover, the article marks issues concerning carrier’s trade and other specific crafts. As a research source was taken the information provided by the “Siberian observer” magazine – the edition, which bore clearly oppositional character and did not have the goal to put the best face forward the existing situation in the region, and consequently – the actions of the local authorities

Ключевые слова: СИБИРЬ, ЭКОНОМИКА, ЕНИСЕЙСКАЯ ГУБЕРНИЯ, РЕФОРМЫ, СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО, ПРОДОВОЛЬСТВИЕ, БРАКОНЬЕРСТВО

Keywords: SIBERIA, ECONOMY, YENISEI PROVINCE, REFORMS, AGRICULTURE, FOOD, POACHING

Социально-экономические преобразования, произошедшие в Российской империи начала XX в., кардинально меняли жизнь рядовых обывателей. Трансформации, начатые еще в XIX в., вносили значимые коррективы и в жизнь сибирского общества. Зауральский регион к началу

XX в. аккумулирует значительное количество ссыльного контингента, и это лишь одно из всех негативных явлений, которыми Сибирь расплачивалась за модернизацию России. Ряд вопросов, напрямую, или косвенно касавшихся социально-экономического развития сибирских окраин, частично рассматривался в трудах таких ученых, как Л.Г. Дейч [1], Н.М. Чукмалдин [2], А.В. Ремнев [3], Н.М. Ядринцев [4] и многие другие.

Не вызывает сомнения тот факт, что в начале XX в. значительная часть населения Енисейской губернии не могла довольствоваться привычными доходами с обработки земли и была вынуждена искать выход из ситуации в дополнительных заработках. Широкие пределы колебания местных хлебных цен находились вне всякой зависимости от степени урожая. Это объяснялось переполнением рынка хлебом после первого сбора зерна. Причины такого явления лежали в том тяжелом положении, в котором находились производители хлеба – крестьяне, вынужденные разными своими нуждами продавать сельскохозяйственные продукты, не ориентируясь, выгодно это по цене и времени, или нет. Складывалась крайне невыгодная ситуация для рядовых жителей: крестьянин, продав осенью за бесценок значительную часть своего урожая, весной уже сам становился в положение покупателя своей же продукции, но уже по цене, установленной скупщиками.

Проведение Сибирской железной дороги, несмотря на все плюсы, для отдаленной Сибири, явилось в то же время таким мощным, а главное неожиданным фактором, изменившим все сложившиеся местные экономические условия. Застигнутое врасплох и неподготовленное сельское население оказалось неприспособленным к новым экономическим требованиям. Сразу исчезли привычные заработки, которые были связаны с прежним громадным гужевым транспортом, исчез и готовый рынок для сельскохозяйственных продуктов, в лице закрытого московского тракта.

Нужда в кредитах среди местного населения была крайне распространена, а в годы недородов достигала чрезвычайного напряжения. Но нужда эта удовлетворялась не всегда целесообразными, а иногда и убыточными для населения способами. Ситуация частично решалась с помощью хлебозапасных магазинов, частично с помощью скупщиков. Но магазины часто выдавали недоброкачественные семена, и в малом количестве, а вторые соглашались помочь крестьянам при условии отработок в летнее время. Отсюда понятно, какую цену приобретали для населения мелкие кредиты, и какую незначительную помощь они могли оказать в трудную минуту. Но даже таких учреждений в Енисейской губернии было крайне мало, да и наличное их число было бедно оборотными средствами, по причине недостаточности основных капиталов [5].

Весьма небольшой успех существовавших сельских банков в значительной мере объяснялся некоторой неудовлетворительностью их организации. К 1901 г., например, заем в сельских банках допускался лишь с поручительством, что побуждало и не нуждавшихся в кредите брать ссуды; размер ссуды стоял вне зависимости от кредитоспособности заемщика; новый заем до уплаты старого долга, как бы мал он ни был, не допускался; счетоводство и заведывание банками не всегда находилось в надежных руках.

За первое десятилетие XX в. площадь посева по своим размерам почти не расширилась, но так как население увеличилось, то отношение посевной площади на душу населения уменьшилось. Таким образом, при распаханности и истощенности наличных земель, предстояло уже не в далеком будущем перейти к новой системе хозяйства и удобрению полей. Но к такому переходу население было совершенно не готово, так как в уезде не было ни одного специального агронома, ни ферм, ни сельскохозяйственных школ, ни опытных полей, и вообще

распространение сельскохозяйственных знаний было невозможно в виду как общей безграмотности крестьян, так и отсутствия какой бы то ни было агрономической организации.

Скотоводство, и без того не игравшее значительной роли в хозяйстве местных крестьян, за последние годы, благодаря неурожаем, сильно сократилось. До проведения Сибирской железной дороги значительная часть жителей занималась исключительно извозом и дворничеством, находя естественный сбыт своим сельскохозяйственным продуктам на московском тракте. С закрытием этого тракта, прежний сбыт и заработки населения вовсе исчезли, а также сократились и по Енисейскому тракту, из-за развития паромоводства.

Для окраинных, подтаежных селений уезда мог бы иметь большое значение лесной промысел и звероловство. Но, в виду изъятия обширных лесов из свободного пользования населения, благодаря опустошительным вырубкам и еще более опустошительным лесным пожарам, лесной промысел сократился и стал иметь значение только для пригородных селений, занимавшихся доставкой дров и лесных материалов на базар.

Один из самых ценных промыслов населения во многих местностях губернии составляла добыча кедрового ореха. В годы урожая ореха, сбор бывал так велик, что он один был способен удовлетворить главнейшие нужды промышленников. Между тем промысел этот сопровождался часто возмутительно хищническими приемами, в которых были повинны по большей части прибывавшие в губернию переселенцы. Дело в том, что стремясь добыть побольше ореха, такие промышленники производили сбор не обстукиванием кедрового шишка, а его ломкою, и притом совершенно беспощадной, что на следующий год обобранное таким способом дерево становилось бесплодным.

Отмечались в регионе и массовые запрещенные вырубки лесов, что приводило к периодическим засухам, а отсюда и неурожаем.

Сложилась ситуация, когда можно было смело констатировать: «Если же губерния, вообще была богата лесами, то это богатство имело скорее географическое, чем экономическое значение».

Имелись в губернии и огромные рыбные богатства Туруханского края. Во всяком случае, их далеко не исчерпывал местный промысел, который в интересах не только Туруханского края, но, можно сказать, всей губернии ожидал правительственных мероприятий для правильной своей постановки. Тем не менее, на 1901 г. работа по разработке условий для естественного развития промысла не имела четких очертаний. Было лишь известно, что рыбы, и, притом самой лучшей, в низовьях Енисея было много и гораздо больше, чем могло быть добыто и вывезено в существовавших на 1901 г. условиях промысла. Способы добычи были самые примитивные, засолка рыбы велась небрежно, а иные способы хранения попросту отсутствовали [6].

Огородничество, садоводство, пчеловодство и прочие отрасли хозяйства еще не достигали в Енисейской губернии сколько-нибудь широкого развития.

Кустарная промышленность Енисейской губернии находилась в зачаточном состоянии. В Минусинском уезде существовали пимокатный и шубный промыслы, но изделия минусинских кустарей не отличались высоким качеством, а в связи с этим и указанные промыслы, скорее падали, чем развивались.

Постановка пожарного дела в Енисейской губернии была далеко не удовлетворительной и требовала существенного развития и улучшения.

Народное образование в Сибири вообще, и в Енисейской губернии в частности, на начало XX в. находилось в плачевном состоянии. В то время как в Англии, стране высокого материального благосостояния народа, процент учащихся в школах достигал 18, в Сибири он равнялся только 1,6, а в Енисейской губернии опускался до 1,2. Существовавшие начальные

школы не удовлетворяли потребностям ни в количественном, ни в качественном отношении. До 75% всех селений губернии были лишены школ вовсе, а в среднем одна школа приходилась на 1700 душ населения. Имевшиеся начальные школы, особенно церковно-приходские, где учительский персонал был весьма слабо подготовлен к педагогической деятельности, не давали своим «питомцам» надлежащей подготовки: окончившие курс учения в школах не могли применить с пользой для сельского хозяйства приобретенное в школе умение читать, писать и считать. Малое число начальных школ, недостаточная подготовка оканчивающих курс в школах, отсутствие библиотек-читален, при невозможности достать в селениях книги для чтения и самообразования вело к тому, что приобретенная в школах грамотность быстро забывалась. Безграмотность сельского населения губернии была поразительной: наблюдались большие селения, в которых некому было расписаться под документом, а если грамотные и находились, то их грамотность, за редким исключением, ограничивалась только умением подписать свою фамилию. При таком уровне образования сельского населения было неудивительно, что попытки применения в хозяйстве земледельческих машин и рекомендуемых наукой улучшений, встречали непреодолимое препятствие. У населения, только потому, что оно не могло ознакомиться с этими улучшениями по книжке, создавались всяческие предубеждения, как против земледельческих машин, так и вообще против всех способов улучшений в хозяйстве [7].

Медицинское дело в Енисейской губернии было поставлено так, что три четверти населения губернии не знало врачебной помощи, а оставшая четверть имела помощь и недостаточную, и несвоевременную. Условия врачебной помощи для всех местностей губернии были почти аналогичны и, если где отличались, то только в худшую сторону. Губернский комитет по здравоохранению находил, что сельские врачебные участки были

слишком велики и по пространству и по количеству проживавшего в них населения. Радиус участка был от 75 до 300 и более верст. Число жителей 20-30 тысяч человек – нагрузка непосильная для одного врача.

Признавались необходимыми и меры для улучшения животноводства в крае. Отсутствовал правильный, организованный сбыт скота и продуктов скотоводства; особенно большие потери в скотоводстве отмечались в тех случаях, когда были неурожаи хлебов и трав, в таких условиях крестьяне были вынуждены сбывать скот за бесценок. Велики нужды скотоводства были и в Туруханском крае. По имевшимся сведениям, населению этого края принадлежало до 30 тыс. оленей. От оленьего хозяйства во многих случаях зависела жизнь и смерть жителей севера, лишавшихся в случае потери оленей пищи, одежды и средств передвижения. Таким образом, хозяйство это, по совершенно особым местным условиям, было чрезвычайно важно для жителей, но ни для его изучения, ни для помощи в случае эпизоотии, практически ничего не предпринималось, так как Туруханский край не имел даже ветеринарного персонала. Вообще, можно констатировать, что Туруханский край требовал компетентного изучения, так как даже администрация, призванная им управлять, была лишена каких бы то ни было достоверных сведений относительно бытовых, правовых и экономических условий жизни этого края, местных богатств, промыслов, питающих местное население и прочее.

Конокрадство же в губернии просто «процветало» и достигало бедственных размеров. При этом власти осознавали всю трудность изыскания каких либо общих мер против этого зла. Известно, что конокрадство было почти в течение столетия предметом особых усилий законодательства, направленных к его искоренению, причем усилия эти оставались почти бесплодными. Конокрадство в Енисейской губернии превратилось в некоторых местностях чуть ли не в открытый промысел. В

преследовании конокрадов оказывались бессильными администрации, в виду того, что краденый скот находил быстрый сбыт у соучастников промысла, рассеянных по всей губернии. Конокрадство выглядело неуловимым еще и по той причине, что население боялось заявлять на преступников, а напротив, было вынуждено входить с конокрадами в сделку, дабы, заплатив некий «выкуп», получить краденый скот обратно. Такой порядок превратился почти в обычную практику, и конокрады даже не спешили продавать краденое, а крестьяне в свою очередь знали, к кому обращаться для выкупа своей потери. И только в тех случаях, когда конокрады попадались с поличным, их ждал страшный крестьянский самосуд. Обстоятельством, содействующим развитию конокрадства собственно в Енисейской губернии, являлось обилие ссыльных. Поэтому только прекращение ссылки в губернию могло бы стать действующей мерой против этого зла. Между тем, несмотря на уже последовавшую отмену уголовной ссылки, Енисейская губерния в этом отношении являлась «облегченной» весьма слабо. В ней ежегодно водворялось от 1000 до 1500 лиц, сосланных в административном порядке, причем в числе этих ссыльных было весьма много конокрадов, подвергнутых высылке за склонность именно к этому преступному промыслу у себя на родине [8].

Наблюдались в регионе трудности и с землеустройством: наделы крестьян ограничивались определенными размерами, причем бывшие в прежние времена в неограниченном пользовании населения излишки стали предназначаться для государственных целей. Приливавшая ежегодно волна переселенцев из европейской России занимала эти излишки, закрывая доступ к ним старожилам. Бесконтрольное прежде пользование лесами было прекращено: образованы обширные заказники и отпуск леса производился не иначе как за каждое дерево, и только по особым билетам на право рубки. Даже в границах собственного надела крестьяне сохранили право пользоваться лесом лишь для своих внутренних

надобностей, а продажа лесных материалов на сторону воспрещена. Все эти условия, не смотря на очевидную их необходимость с точки зрения государственного хозяйства, оказались для сельского населения Енисейской губернии весьма тяжелыми, главным образом, потому, что проведение их в жизнь последовало после векового свободного пользования неожиданно. Мало того, перечисленные неудобства последовали во всех отраслях прежнего землепользования сразу в течение одного десятилетия, а, совпав с затруднениями, вызванными падением золотопромышленности и проведением железной дороги, они еще более увеличили тяжесть новых условий для неприспособленного населения [9].

По вполне объяснимым причинам, одним из главных «партнеров» сельского хозяйства Енисейской губернии в начале XX в. являлась золотопромышленность. Но, эта отрасль также испытывала кризисные тенденции. Раньше свыше 30 % населения уезда имело возможность найти обеспеченный заработок от золотых приисков, в виде найма на работы, доставки клади на промыслы, продажи хлеба и скота. С падением золотопромышленности, сократились и эти источники дохода. Для иллюстрации этой крупной потери не нужно подробных данных: достаточно вспомнить, что вместо прежних 1000 пуд. золота в год в Енисейской губернии добывалось лишь 97 пудов, причем и это количество продолжало сокращаться. Важным для аграриев был весь горнопромышленный сектор. С проведением сибирской железной дороги, горнопромышленники стали очень активно заниматься разведкой и поиском полезных ископаемых, по преимуществу на землях, находившихся в бессрочном пользовании крестьян. Между тем действовавший Горный Устав не заключал в себе прямого и полного законоположения, на основании которого подобные разведки и отводы могли бы получать быстрое разрешение. Между моментом возбуждения частными лицами ходатайства о горном отводе и его разрешением

протекало на практике по несколько лет, причем уже разрешенные отводы, после долговременного сбора сведений, считались официально оформленными, лишь после получения специального разрешения, получаемого через комитет министров [10].

Несколько слов можно сказать и про состояние дорожной инфраструктуры региона. В начале XX в. в Енисейской губернии существовал почти исключительно натуральный способ устройства и ремонта дорог общего пользования. Эта натуральная повинность отбывалась одними только крестьянами, отдельные общества которых приписывались к подлежащим участкам ремонтировавшихся трактов. Такой порядок, обращавший всю тяжесть дорожной повинности на крестьянское население, едва ли соответствовал указаниям, изложенным в уставах путей сообщения и о земских повинностях, так как в статье № 290 устава прямо говорилось, что «к дорожным участкам приписывались владельческие земли, не исключая казенных и удельных». Между тем, «казна» не участвовала в починке дорог, не смотря даже на то, что дорожные участки значительного протяжения пролегали в некоторых местах по сугубо казенным землям [11].

Таким образом, условия жизни населения Енисейской губернии, не внушали оптимизма. Конечно, данный регион не сильно отличался от других местностей Сибири, разве что географически. Невзирая на оппозиционный характер представленных сведений, можно сделать вывод, что носили они преимущественно объективный характер. Невнимание администрации всех уровней к насущным проблемам, обрекало Сибирь на бесславное положение края ссылки, беззакония и «тюрьмы под открытым небом».

Литература

1. Дейч Л.Г. 16 лет в Сибири. Женева: Склад изданий: P. Axelrod, 1905. 332 с.
2. Чукмалдин Н.М. Мои воспоминания. Тюмень: СофтДизайн, 1997. 368 с.

3. Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX в. Омск: Изд-во Томского ун-та, 1997. 252 с.
4. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб.: Издание И.М. Сибирякова, 1892. 750 с.
5. Сибирский наблюдатель. 1904. 11 февраля.
6. Сибирский наблюдатель. 1904. 11 февраля.
7. Сибирский наблюдатель. 1904. 11 февраля.
8. Сибирский наблюдатель. 1904. 11 февраля.
9. Сибирский наблюдатель. 1904. 11 февраля.
10. Сибирский наблюдатель. 1904. 6 марта.
11. Сибирский наблюдатель. 1904. 6 марта.

References

1. Dejch L.G. 16 let v Sibiri. Zheneva: Sklad izdaniy: P. Axelrod, 1905. 332 s.
2. Chukmaldin N.M. Moi vospominaniya. Tjumen': SoftDizajn, 1997. 368 s.
3. Remnev A.V. Samoderzhavie i Sibir'. Administrativnaya politika vtoroj poloviny XIX – nachala XX v. Omsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 1997. 252 s.
4. Jadrincev N.M. Sibir' kak kolonija v geograficheskom, jetnograficheskom i istoricheskom otnoshenii. SPb.: Izdanie I.M. Sibirjakova, 1892. 750 s.
5. Sibirskij nabljudatel'. 1904. 11 fevralja.
6. Sibirskij nabljudatel'. 1904. 11 fevralja.
7. Sibirskij nabljudatel'. 1904. 11 fevralja.
8. Sibirskij nabljudatel'. 1904. 11 fevralja.
9. Sibirskij nabljudatel'. 1904. 11 fevralja.
10. Sibirskij nabljudatel'. 1904. 6 marta.
11. Sibirskij nabljudatel'. 1904. 6 marta.